

A man with dark hair and a black t-shirt stands behind a pregnant woman in a white tank top. He has his arms crossed and is looking directly at the camera. She is looking down at her belly, which he is gently holding. The background is dark with a soft light source from the left.

Ольга Вечная
ПОЧУВСТВУЙ

Ольга Вечная

Почувствуй

Серия «Про чувства», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69275869

Аннотация

Мы познакомились в пятнадцать лет и почти сразу начали встречаться. Он рано потерял родителей и катился по наклонной, я была отличницей из строгой семьи. Первая любовь оказалась слишком сильной и изменила обоих. Теперь он студент медвуза, взрослый самоуверенный парень, мечта девчонок вокруг. А я будущий инженер, подрабатывающий аниматором. Мы редко видимся и адски ревнуем друг друга. С каждым днем пропасть между нами становится больше, а чувств по-прежнему бездна. Я хочу уйти, но он отпускать не собирается.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Вечная

Почувствуй

Глава 1

Одногруппник Костя смотрит так, что волнение по щекам бьет, и те пылать начинают.

Я впервые рядом с ним ощущаю смущение. Хотя стоит отметить: прежде мы время наедине не проводили.

А может, я вновь навывдумывала лишнего? Матвей, мой парень, с ума сходит от своей тупой, унижительной ревности! И меня заодно накручивает. По его мнению, все вокруг только и мечтают ко мне под юбку залезть. Больше заняться людям нечем. Бред и паранойя, навязанное чувство вины. Надеюсь, это осеннее обострение, которое закончится с первым снегом.

Костя тащит огромную маску от костюма и сумки с реквизитом. Я тоже маску сжимаю, мы от остановки идем в сторону моего дома. Погода чудесная: ни дождя, ни ветра. Болтаем обо всем подряд, обмениваемся впечатлениями.

– Так откуда ты все современные детские песенки знаешь? – подкальываю. – Ладно я уже два года работаю аниматором на праздниках, положено. Но ты-то свободный парень девятнадцати лет! Ты не обязан!

Костя смеется и закатывает глаза. Он веселый, а еще с ним оказалось легко общаться.

– Только из «Фиксиков». Они крутые и познавательные, – заключает значительно. – Только никому не рассказывай, окей?

Я не удерживаюсь и хохочу вслух.

– Вот откуда родом твои оценки при стремящемся к нулю уровне посещаемости. Фиксики!

– Не всем же быть ботаниками, – возвращает он подкол.

Костя у нас считается заядлым прогульщиком, лентяем и так далее по списку. С трудом закрывает сессии в числе последних. Его предложение помочь с реквизитом, а потом и выступить на дне рождения пятилетней Алёны было крайне неожиданным. Всегда казалось, что он по имени-то меня не помнит.

Сумки были неподъемными, и пришлось согласиться.

Потому что Матвей снова подвел и не приехал. А время поджимало.

Мы подходим к подъезду и останавливаемся. Где-то вдалеке лает собака. Голуби терзают брошенную у лавочки булку.

– Пришли, – сообщаю. – Еще раз спасибо, ты очень выручил.

Смотрим друг на друга. И я отвожу глаза. Потому что моя зараженная подозрительностью Матвея интуиция снова бьет тревогу. В животе пусто становится и как-то странно щекот-

но.

– Да не за что, – пожимает плечами Костя. – Обращайся. Мне понравилось. Я люблю детей. В моей семье их много.

– Деньги переведу вечером, в крайнем случае завтра. Половину, как договаривались.

– Мы не договаривались. Я помог просто так, по доброте душевной. Мне было не сложно. Ничего не нужно, Юль.

Я все равно переведу ему деньги, но слышать отказ приятно. Костя будто мысли читает и улыбается.

– Так не пойдет, – говорю строго. – Ева обычно не затягивает с выплатами, у нас с этим четко. Жди.

– Обижаешь, – тянет он.

– Не обсуждается.

Мы с Матвеем давно подрабатываем аниматорами по выходным и в праздники. Поет Мот так себе, но дети его обожают за врожденную харизму. Если бы он еще держал обещания.

В прошлый раз мне пришлось справляться одной с тринадцатью пятилетками. Я выползла из детской комнаты мокрая, как после бани. С квадратной головой и желанием придушить своего бойфренда.

– Ладно, – нехотя соглашается Костя. – Но тогда вместе их потратим. Как насчет выпить кофе где-нибудь поблизости? Или кино?

Я показываю ему внушительную маску Симки.

– В другой раз.

– Уверена? Мне совсем нечего делать. Суббота, вечер. Соглашайся, просто поболтаем. Ничего такого.

Костя склоняет голову набок и выглядит при этом крайне милым и каким-то... уязвимым, что ли. Я вновь неловко смеюсь, будто меня щекочут. Потом случайно перевожу взгляд на свой дом. Ничего особенного, обычная пятнадцатизэтажка, уходящая в небо. Окно бабы Нины открыто на проветривание. А потом я замечаю у подъезда, в тени деревьев, знакомую фигуру. И холодею.

Ненавязчивая щекотка исчезает мгновенно. Вместо нее под кожу иглы ужаса впиваются. Я застываю, как пойманная на вранье семилетка!

Следом окатывает волной возмущения. Сжимаю зубы. Я бы и пальцы в кулаки сжала, если бы не держала эту огромную оранжевую маску!

Да что он себе позволяет?!

Матвей отрывается от дерева и вальяжно идет к нам. Пялится исподлобья, руки в карманах. Губы сжаты, взгляд взбешенный.

Костя напрягается.

Матвей не спешит. Ему достаточно того, что его заметили, и он упивается впечатлением, которое производит. Морозец, что по коже прокатывается, сковывает. Холод – это про одиночество. И мне сейчас одиноко.

– Не помешал? – бросает Матвей, подходя еще ближе.

Останавливается рядом со мной и вскидывает подборо-

док, смотрит в глаза Косте. Я пораженно головой качаю.

– Вы ведь знакомы? Матвей, Костя помог мне с работой.

Пока тебя непонятно где и С КЕМ носило!

– Именно. Привет. Руки заняты, а то бы пожал, – производит Костя.

– А я бы нет. Привет.

Я взрываюсь злостью! Внутри, клянусь, маленькая термоядерная реакция, высвобождающая энергию. В данный момент – разрушительную.

– Матвей, пожалуйста, – одергиваю. – Не нужно.

– Мне уйти? – спрашивает он. Опаляет недовольством.

Хочется рявкнуть: «Да!» Впервые, наверное, за все время, что знаю его. Та часть меня, что отвечает за здравый смысл, трубит: «Не при Косте!»

Как бы там ни было, нельзя вмешивать в наши отношения третьего.

Отношения с невыносимым, бесящим, убийственно ревнивым парнем! По совместительству – моим самым любимым человеком.

Губы сжимаю и мысленно считаю до пяти.

– Тебе и правда лучше пройтись и остыть, – советует Костя. – Я всего лишь помог Юльчику с реквизитом. Юль, какой подъезд?

Я превращаюсь в солнце. Внутри звезды беспощадный синтез тоннами преобразует водород в гелий. Я горячая как ад. Рука срывает быстрее мозга. Прижимаю ее к груди

Матвея.

– Кость, дальше мы сами, – выдаю на одном дыхании. – Спасибо тебе еще раз большущее! Деньги пришлю, как только Ева переведет.

– Спасибо, Костя, – произносит Матвей довольно высокомерно. Смотрит в упор.

Нестерпимо хочется его треснуть! Вот чего он такой?! Я настолько возмущена, что не сразу замечаю, как умудряюсь держать маску одной рукой. Она не тяжелая, но объемная.

– Уверена? – Костя слегка прищуривается, явно опасаясь оставлять меня с Мотом.

А тот делает это специально! Переводит на меня глаза и вопросительно приподнимает бровь. Провоцирует. Ищет повод для ссоры.

Я выдерживаю взгляд и выдаю:

– Абсолютно.

Мы с Матвеем смотрим друг на друга. Его темно-карие глаза – горький шоколад. В них всегда много горечи. Обычно я знаю, как их смягчить. Превратить в теплое сладкое какао.

– Окей, – соглашается Костя.

Вручает маску Нолика и пакеты с реквизитом Матвею. После чего наконец уходит. Лишь тогда я облегченно выдыхаю.

Мы идем к подъезду. Молча.

От Матвея волнами исходит негатив. Но мне тоже есть что высказать.

Теперь-то мы наедине остались. Можно.

Глава 2

Заходим в подъезд. Матвей первым, я дверью хлопаю, чтобы не думал, будто всё в порядке. Сцена, что он устроил, была поистине чудовищной!

Матвей усмехается. И не думает.

Четвертый год вместе! Кажется, я изучила этого человека вдоль и поперек, знаю как облупленного! Но каждый раз этот упрямый, невыносимый монстр находит чем задеть!

– Как прошел праздник? – спрашивает, нажимая кнопку лифта.

– Двенадцать детей и я. Угадай с трех раз, как он прошел!

– Попытка номер один, – чеканит слова Матвей.

Вкус горького шоколада растекается на языке.

– Ты была не одна. Судя по фото фирмы «Веселье в каждый дом». Поэтому все прошло бодро. Угадал с первого раза?

– Бинго! – выпаливаю я, вмиг меняя тактику и переобучаясь. – Праздник прошел просто прекрасно. Лучше, чем когда-либо.

Его плечи дергаются. Матвей отворачивается.

Двери разъезжаются, мы заходим в пустую кабину. Поднимаемся. В руках эти маски здоровые. Сколько раз мы вот так же возвращались после выступлений? Уставшие, довольные. Не счесть. Сумки в руках мешали обниматься. А вот

губы были свободными, губам ничего не мешало. Сердечко билось о ребра, и казалось, не выдержит напряжения момента. Мы мчались с безумной скоростью в этом стареньком лифте. Вообще, время с Матвеем несло ракетой, все три с половиной года на одном дыхании.

– Так, может, тебе всегда теперь работать с *Костей*? – выдает он с показушным участием.

Я учусь в техническом вузе на факультете нефти и газа. У нас в группе четыре девочки и шестнадцать мальчиков. Матвею не нравятся все девятнадцать человек.

– Может быть. Он знает все песни, представь. Наизусть. И попадает в ноты.

Мы смотрим друг на друга. Волоски на коже поднимаются, пульс частит. Я вне себя от тупости ситуации, в которой мы оказались!

– Уверена? – Матвей вздергивает бровь. Кривая улыбка растягивает его губы.

Закатываю глаза.

– Где ты был?

– Опоздал на автобус, потом летел в такси. Я же написал. Машина сейчас у брата, без нее туго.

– А до этого? Твоя учеба в час закончилась.

– Дела были.

– С Захаром опять? У тебя всегда находятся дела поважнее меня. К чему бы это?

– У меня дела поважнее? – делано ахает он. Глаза округ-

ляет. – Вот оно что! А ты, значит, меня на первое место всегда ставишь?

Лифт останавливается. Мы ехали, по ощущениям, целый час. Подмышки вспотели от стресса.

– Именно! – рывкаю я. Слезы на глаза выступают от несправедливости! Вылетаю на лестничную площадку. – Так и есть! Дура!

Достаю ключи, открываю дверь.

Матвей тоже заходит в квартиру. Пахнет пищей, папа готовил, наверное. Мама должна прийти с работы ближе к семи. Дома никого.

Я разуваюсь и иду в свою комнату.

Матвей следом. Открываю шкаф, в котором храню костюмы.

– Надо бы, может, продезинфицировать? – усмехается Матвей, рассматривая синюю маску. – Мало ли чем он болеет? Туберкулез, например. Заразная штука, говорю как медик.

– Прекрати. – Я забираю маску и кладу в шкаф. – Ты ведешь себя невыносимо! Сам опоздал и сам же обвиняешь. И нет, Костя ничем не болеет. Он очень мне помог.

– Я ни в чем тебя не обвиняю.

Матвей тянется к верхней полке и достает из коробки с бельем розовые стринги. Накручивает на палец. Я тут же вырываю из рук свою вещь, закидываю обратно и закрываю дверь.

Он скрещивает руки на груди. Глядит враждебно. Мои психи ему не нравятся.

Сердце барабанит боевой марш.

– Ты сегодня чем заряжен? Холостыми или боевыми? – спрашиваю наконец. – Потому что если боевыми, то я не готова морально.

Напряженная атмосфера лопается как передутый воздушный шар.

Это наше с Матвеем правило. Мы оба вспыльчивые, но при этом оба... просто безумно друг в друга влюбленные. И чтобы не ранить, придумали правило: перед каждой ссорой предупреждать, какие сегодня патроны.

Холостые – будет не больно.

Боевые – готовься к обороне как следует. Пленных не берут.

Матвей мешкает секунду. Он всегда выбирает холостые, когда я спрашиваю таким тоном. Даже если настроен агрессивно, перезаряжает обойму на лету.

Смотрит на меня. Темный шоколад в любимых глазах плавится. Матвей опускает руки вдоль тела.

– Холостыми, Рай.

Он чуть отводит глаза в сторону, будто смущение почувствовал. Моя душа взъерошенной райской птичкой к нему летит. Обнять за шею, зацеловать щеки. Найти губы. Утешить.

Потом я вспоминаю, как он прятался в кустах и следил!

Наблюдал, ждал чего-то! Видимо, проверял, изменяю ему или нет!

От возмущения слезы выступают. Господи! Я ему всё! Всю себя! Всё прощаю, три с половиной года только им живу! Люблю каждой клеточкой! Ни одного повода не давала в себе сомневаться. А ему мало!

Несправедливость такой силы, что устоять невозможно.

– И долго ты следил за нами с Костей? – Наступает моя очередь скрещивать руки.

– Я не следил.

– Прятался и следил! Знаешь, я уже почти не сомневаюсь, что у тебя кто-то есть. Потому что... – Выхожу в центр комнаты и начинаю демонстративно загибать пальцы, – во-первых, ты постоянно где-то пропадаешь и не рассказываешь где! Во-вторых, адски ревнуют те, у кого рыльце в пушку. В-третьих, ты будто специально провоцируешь ссоры! Если тебе нужна свобода, так и скажи.

– Поссориться сейчас пытаешься именно ты.

– Меня взбесило, что ты следил за мной!

– Интересно почему? Если скрывать нечего.

– С тех пор как ты начал с этим Захаром общаться, стал... – Осекаюсь.

– Кем?

– Невыносимым!

– А что собиралась-то сказать изначально, Рай?

– Ты меня снова подвел. И ведешь себя, будто я виновата-

та. – Отворачиваюсь к окну. Ожесточенно люблюсь соседним домом.

– Да вы полчаса пялились друг на друга! Чуть щеки не треснули от улыбок. Еще немного, и он бы сосаться полез. Убил бы.

– Боже! – Я всплескиваю руками и начинаю метаться по комнате.

– Юль, Юлёк... – Мот пытается поймать, – в чем-то ты взрослая, а в чем-то совсем наивняк. Не видишь, как на тебя смотрят? Ты даже не представляешь, что у парней в голове при этом.

Ревность рвет на части. Отталкиваю. Дерусь. Кричу:

– По себе судишь?!

– Че?!

– Если ты на девок пялишься и думаешь всякое, не значит, что все так.

– *Костя твой* не такой, да?

Он не мой, придурок! Это ты мой! Только ты один!

– Не такой, – вырывается.

Мы смотрим друг на друга. Теплового какао сегодня не будет.

Ледяные глаза прищуриваются. Холод – это про резкую боль.

Мы рядом, но между нами миллиарды световых лет недопонимания и бессмысленной лжи.

– Не вздумай ему что-то сделать, Матвей. Если я узнаю,

мы...

– Что мы? – перебивает он.

– Расстанемся.

– Ты меня бросишь из-за него? Вот как, Рай?

– Если ты ему навредишь – да. Он ничего плохого никому не сделал. Мне – тем более.

– Только хорошее?

Хватит цепляться к словам!

– Только хорошее.

Матвей дергается. По волосам рукой проводит и головой качает. Потом на меня смотрит.

Поднимает вверх ладони, словно сдаваясь. И идет в сторону выхода.

О боже! Ну что за дурачина!

– С тех пор как ты связался с этими пацанами, ведешь себя как полный кретин! – начитываю ему нотации, не отставая ни на шаг. Он что, правда сейчас уйдет и оставит меня одну в субботу вечером?! Столько планов было! – Они тебя настраивают против меня! Науськивают. А ты ведешься! Во всех видишь угрозу! И это не просто секция по боксу, это какая-то... секта слабоумных! Они там все мозги себе выбрали! И тебе по ходу.

Матвей начинает обуваться. Напяливает кроссовку. Сердце колотится на разрыв.

Он зовет меня райской птичкой. Сколько раз повторяла, что это обычные воробьи с цветными перьями. Нет же.

– Если уйдешь, можешь не звонить мне никогда. Можешь вообще забыть о моем существовании.

Он шнурует вторую кроссовку. Бессердечный! Приехал, чтобы поругаться. И поругался! Возмущение паром из ушей идет.

– Вижу, ты добился своего. Что мне прикажешь делать? Позвонить Косте? Ты думаешь, я буду одна сидеть дома в субботу вечером?

Матвей поднимает глаза. Разрывает от желания побить его и сжать в объятиях.

– У тебя сегодня боевые, Рай, – выдавливает он.

Открывает дверь и выходит на лестничную площадку.

– Ты свой выбор сделал! – кричу я вслед.

Дверь захлопываю и спиной к ней прижимаюсь.

Трясет.

Глава 3

От эмоций трясет.

Я просто не могу с этим справиться!

Кажется, будто сердце из груди вырвали, там дыра осталась. Ну как можно быть таким невыносимым и одновременно важным?!

Ведь тоже боль чувствует. Про боевые сказал – значит, за живое задело. Не захотел мириться, объяснять. Ушел.

Я вроде как... победила, да?

Ни радости, ни удовлетворения. Никаких счастливых глаз напротив, цвета любимого какао. Никакой горечи на языке, вкуса привычного шоколада.

Пульс долбит.

Закрываю лицо руками. Что с нами случилось? В школе было так легко и просто! Мы в соседних учились, пять минут пешком. Оба знали, чего хотели. Мечтали о поступлении. Посещали одни и те же занятия, секции. Каждую свободную минуту вместе проводили! Счастливей меня было не найти. Потом он поступил в мед, а я... не прошла по баллам. Это был конец света, если углубляться в воспоминания. Звезда внутри потухла, я умереть хотела. Но Матвей был рядом и помог не пасть духом. Выбрала другой вуз, тоже отличный. А потом отношения начали портиться. Буквально с первого сентября прошлого года.

Родители столько раз говорили, что школьная любовь завянет в универе. Может, так и случилось? Все нервы вымотал. Невозможный, упрямый!

На лестничной площадке слышатся шаги. Сжавшиеся в комочек чувства взрываются цветами радости.

Вернулся! Не выдержал, хороший мой! Я его сейчас заобнимаю до смерти, потом поколочу, конечно, закусаю до крови, после зацелую! А позже мы поговорим!

Да не нужен мне ни Костя, ни кто другой! Ну как можно быть таким непонятливым?!

Я вскакиваю на ноги, распахиваю дверь... и мрачнею.

– А, это ты, – едва удается скрыть разочарование в голосе.

– И я тебя рад видеть, любимая единственная дочь! – весело подшучивает отец.

Палюсь, видимо. Беру себя в руки и улыбаюсь.

– Прости. Устала. Трудный день.

Я иду в ванную, чтобы умыться и немного прийти в себя.

Папа что-то напевает в кухне.

– Юля, беги ужинать! Пицца само то вышла.

Натягиваю приветливую улыбку и сажусь за стол.

– Спасибо, пап... ого, вот это кусок! Спасибо. Эм. Я столько не съем.

– Лопай, тощая как палка.

– Я не тощая. Я... нормальная.

Опускаю глаза.

– Ну да.

Дальше мы едим. Вот только вкус радости не приносит. Аппетита нет, хотя еще недавно казалось, что слона съем. На душе тоскливо. Я ждала выходные. У Матвея с первых дней сентября адовая нагрузка. Еще эта секция, на которую он постоянно ходит... Совсем его не вижу. Обида горло сдавливает. Выходные ждешь-ждешь, как день рождения, как Новый год! Они наступают – и вот, пожалуйста. Разругались в пух и прах!

Я часто моргаю, прогоняя слезы. Папа же, напротив, пребывает в прекрасном расположении духа.

– Какие планы на вечер? – спрашивает он. – Пойдешь куда-нибудь?

– Настроения что-то нет.

– И кажется, я знаю почему, – заключает папа. Смотрит пристально.

Мой взгляд в тарелку впивается, считаю мысленно до трех.

Матвея я себе отстояла. Родители были категорически против. Во-первых, нечего так рано встречаться с мальчиками. Нам по пятнадцать было, когда мы познакомились: ходили в одну и ту же частную школу для? подготовки к экзаменам. Наша учительница по химии потом вышла замуж за старшего брата Матвея. Приятная и умная девушка. Мы прекрасно ладим.

Отцу не нравилось все. Ни сам Матвей, ни то, что он живет с бабушкой, которая излишне добрая и очевидно не спо-

собна сдержатъ буйный нрав внука. Когда Матвею было тринадцать, его родители погибли в автокатастрофе, с тех пор он сам себе предоставлен.

Даже литовская фамилия Матвея – Адомайтис – отца изрядно раздражала. Он до сих пор притворяется, будто не может выговорить. И постоянно коверкает, особенно при Моте.

Тот в ответ губы поджимает, молчит. И я каждый раз молюсь, чтобы не сорвался и не было ссоры.

Сколько было разговоров! Промывали мозги день за днем, выискивая самое плохое про Матвея, преувеличивали, навязывали. Кучу раз я, накрученная до предела, пыталась порвать с ним. И каждый раз после такой встречи возвращалась домой счастливая до неба. Губы горели от поцелуев, а на языке был вкус горького шоколада.

Брат Матвея, Павел – успешный хирург в известной офтальмологической клинике. Сам Матвей тоже умный, талантливый и находчивый. Он бы мог поступить в Питер и уехать туда учиться (о чем мечтал мой отец), но остался. Ради меня, которую никуда родители не отпустили бы ни за что на свете.

Вообще, отцу на меня грех жаловаться: никогда проблем не было. Только Матвей. Единственный момент, где не допустимы компромиссы.

И мне его разрешили. Встретаться с ним. В соответствии со строгим расписанием, конечно. И у отца на глазах. Они думали, мы долго не протянем.

– Ты о чем это? – спрашиваю будто недоуменно.

– О погоде, – отвечает папа. – Осень на дворе, алле. Многие этим подавлены.

– Точно. Лето закончилось слишком быстро, – выдыхаю я облегченно. Лучше уж об осени.

– Или дело в одном молодом человеке, который пулей вылетел из нашего подъезда, когда я шел домой.

– Ой! – вздрагиваю.

– Юля, мне кажется, он был обдолбанным.

– Папа! – Я вскидываю руки. – Да сколько можно? Не наркоман он!

– Тогда что случилось? Вы опять поссорились? Это в который раз за месяц? Двадцать седьмой?

– Не сильно-то и поссорились. Так, пустяки.

Я округляю глаза, вспоминая, как орала, чтобы Матвей никогда больше не приходил. Фух.

– Что он сделал? Я должен знать.

– Да ничего он не сделал. Из-за ерунды поцапались. Он что-то взвинченный.

– Или накуренный. Юль, посмотри на меня.

Строгость в голосе отца заставляет послушаться.

– Он тебя не тронул?

Поначалу не понимаю, о чем речь. А потом понимаю и пугаюсь!

– В смысле, не бил ли Матвей меня? Пап, ты чего? Он никогда! Я тысячу раз говорила. Он скорее себе руку оторвет,

чем меня обидит.

Но отец продолжает внимательно смотреть, словно пытаешься прочитать самое сокровенное. И я совершенно несвоевременно краснею.

– Я за вами обоими слежу.

– Он хороший. Спасибо, пап. Все было вкусно.

Целую отца в щеку и начинаю убирать со стола, мыть посуду. Чувствую пристальный взгляд.

Самое сложное – это, конечно, ссориться с Матвеем. Ни нагрузка по учебе, ни прочие проблемы... ничего с этим не сравнится! Дома приходится держать лицо и делать вид, что всё в порядке. А поддержки в виде Матвея нет.

Если признаться честно, больше всего на свете я не люблю с ним ссориться.

Щелкает дверной замок. Мама с работы.

Теперь главное, чтобы они не объединились вновь против меня. Делаю нечеловеческое усилие и улыбаюсь беспечно.

Мама заходит в кухню, они с папой обмениваются многозначительными взглядами.

О нет. Он ей уже написал в эсэмэске!

Домыв посуду под обсуждение внешних признаков наркомана, что проявляются у сына маминой коллеги, которого, разумеется, не существует и которого нужно вдруг, совершенно случайно, обсудить вот прямо сейчас, я спешу к себе в комнату.

Беру телефон и пишу Любе:

«Привет! Что делаешь? Может, погуляем где-нибудь? У меня тут зад павиана».

Это наше кодовое слово. В смысле: в жизни полная хрень и срочно нужна поддержка.

«Что случилось?! Сегодня суббота, я думала, ты с Матвеем трахаешься».

«Боже, Любаш!!»

«Ну да, вы ведь только целуетесь. Забыла. Так что произошло?»

«Потом расскажу. При встрече».

«Я-я-ясно. Мы с друзьями на набережной, приезжай».

«Скоро буду».

Глава 4

Матвей

Воздух сюрреалистически неподвижен и прозрачен. Каждый вдох дается с усилием, поэтому приходится идти быстро. Бежать. Чтобы хоть что-то. Дышать хоть как-то.

Мир нарисованный, искусственный, враждебный. А жить хочется в настоящем.

Это ж надо так разругаться! С добром же ехал. Сука!

Взвинченность усиливается длительным воздержанием. Не то чтобы это было сверхважно и кардинально влияло на качество жизни, но планы я строил конкретные, и сейчас они обломались. Не та ситуация, когда можно отшутиться про юношескую беспощадную мастурбацию. Когда мы ссоримся – иначе всё. Проблема в том, что кувыркаемся мы всё меньше, а ссоримся – чаще.

Телефон вибрирует в кармане. Я вздрагиваю. Не буду брать. Наорать хочется на нее. Объяснить, блть, что думать нужно учиться! Головой своей славной! Прежде чем рот открывать и нести чушь всякую. Мелкая избалованная выдра!

Передергивает. Мною и избалованная. Уж точно не родителями.

Перед глазами картинка, как Юля смеется над тупыми шутками этого еблана. А он смотрит на нее, как на десерт. Была бы ложка – сожрал бы. Перед глазами темнеет, кожа

вспыхивает вместе с одеждой и сгорает мгновенно. До костей.

Это все, что нужно знать о любви, прежде чем ею начать заниматься. Вот так вот будет. Сгорите заживо.

Я хватаю мобильный и тупо пялюсь в экран.

«Захар».

Ожидаемо. Юлия Райденко – девица гордая, первой не позвонит. Веселит лишь одно: что и никому другому она тоже не позвонит никогда. Будет сидеть и дуться до скончания времен. Натура такая. Выдринская.

Подношу телефон к уху и рявкаю:

– Что надо?

– Какие нервы! Ты че там, е*ешься? – хохот в ответ.

– Да, а что? – парирую я.

– Звоню сказать, что Артур лег, как только ты ушел. Ну и узнать, успел ты к цыпе своей или нет. Успел, круть. Стало быть?

Хотел успеть. Бежал. Парней подвел, оставил на соревнованиях. От нашего клуба чувак выступал. Лег он, значит. Жалко.

Я летел сломя голову. На автобус опоздал, пришлось такси взять. Херова туча денег. Пока ехал, в соцсети прямым включением наслаждался (в кавычках), как весело на этом празднике. Без меня.

По-человечески попросил Юлю подождать, пообещал, что помогу. Так нет же! Как на место прибыл, Юли уже и

след простыл. Сообщение мое так и висит в непрочитанных. Я к ней домой пулей. На том автобусе домчал, что напрямую идет, но зато пять остановок не доезжает. До подъезда снова бежал. Решил отдышаться минуту: ее отец на меня всегда плохо реагирует, перед встречей с ним нужно в себя прийти. Смотрю – идут. Фиксики. Вот только за руки не держатся, спасибо маскам объемным.

Наверное, десять минут подождать было невыносимо, пока я доберусь?

Не знаю, с чем сравнить ощущения. Психологи заявят, что нельзя другого человека считать своей собственностью. А своей жизнью – можно? Своим домом, своим Раем? И когда на твоих глазах твой дом кто-то себе присвоить пытается. Как среагируешь?

Иногда кажется, что кроме Юли у меня никого нет. Да никого и не надо.

– Понял. Обидно, что лег.

Насчет остального молчу. Не признаваться же, что Юля кинула меня. Что на улице стою и понятия не имею, что делать.

Вот так вдруг. Мир замирает, я оглядываю его в каком-то тупом ступоре. Она меня бросила. Серьезно?

– Да ничего, переживет. Решили у меня собраться и поддержать его. Подъедешь?

– Почему у тебя?

– Родители на даче. Так что? Юльку бери. Мы для нее га-

зировку купили.

– Она не поедет.

Не видит смысла в общении с этой компанией. Даже если прошу потерпеть.

– Приезжай один. Если надумаешь, то давай. Мы ждем.

Обычно я говорю всегда «нет». Обычно планы на субботу – это Юля.

Юля-Юля-Юлечка. Простыни под нами смятые, горячие. Ее голые плечи, доступные для поцелуев грудь и живот. При мысли, что это сокровище кто-то другой увидит, в горле натуральным образом пересыхает. Как это работает физиологически, хрен разберешь, да и по фигу. Важно то, что я вякнуть ничего не могу. Прокашливаюсь.

– Может, и подъеду. Позже.

– Давай-давай. Не прогибайся под бабские хотелки. Молодой еще, здоровый, буйный.

– Ага.

Забегаю в первый попавшийся автобус, оплачиваю, плюхаюсь на последнее сиденье. Наушники в ушах, взгляд вдаль.

До Захара минут двадцать отсюда. Посижу немного, поболтаем о жизни. Воскресенье перетерплю как-то. В понедельник после учебы сразу в больницу, где подрабатываю. На сутки. Потом опять учеба. Потом спать.

Занять себя максимально плотно, чтобы не двинуться от ревности.

Киваю. Похоже на план.

Музыку слышно уже на первом этаже новой элитной десятиэтажки, а едва я захожу в квартиру Захара, сразу понимаю: поболтать о жизни не получится. Народу – тьма. Смех, слезы, крики, кто-то по углам сосется. У Захара всегда весело. Рай утверждает, что из этой квартиры, не подхватив триппер, не выйти. Что ж, рискнем.

Захар встречает у входа, через секунду в руке оказывается открытая бутылка пива.

– До дна! – кричат парни. – Иначе не пустим!

Выпиваю почти залпом. Холодное, то что надо. Оглядываю гостиную и чувствую, что настроение значительно улучшается.

– Зря тебя Юля отпустила одного. – кричит в ухо Захар и хлопает меня по плечу. – Сегодня с нами столько девчонок... пришли поддержать, – усмехается он и закатывает глаза. А потом подходит к колонке, убавляет звук и орет: – Минута внимания! Знакомьтесь! Кто еще не в курсе? Матвей – охрененный чувак. Умный как Пирогов, красивый как бог, богатый как тварь. Будущий педиатр. Категорически рекомендую.

– Педиатр? – смеюсь я. Впрочем, с остальным решаю не спорить.

Снисходительно кланяюсь навстречу бурным аплодисментам. Богатая тварь сегодня опоздал на автобус и упустил подружку.

– Все, что касается детей, на девчонок действует убий-

ственно. Мы все тут педиатры. По крайней мере, до утра, – заверяет Захар вполголоса, вновь врубив музыку. – Ни в чем себе не отказывай. На втором этаже есть свободные спальни. Мамка клининг заказала на среду. Не будем лишать фирму работы.

Клининг. Вау. Медлю. Это что же делать надо, чтобы потом спецфирма отмывала? Ощущаю укол смущения, так как с лету придумать не удастся.

– Я один. Юля не смогла приехать, – поясняю, что спальни мне без надобности. И, хм, клининг.

– А я тебе не про Юлю.

Эта идея как-то неожиданно шокирует. Потому что одно дело – думать, что тебя бросили и ты свободен как ветер, стоя на улице. И другое – осознать сей факт здесь, среди толпы пьяных телок, когда до свободных спален рукой подать.

Хе-хе. Организм неуместно бурно реагирует напряжением. Я качаю головой. Беру вторую бутылку пива из ящика, открываю. Делаю два больших глотка.

– Я ненадолго, – ставлю перед фактом Захара. – Учить много.

– Никто не узнает, Дом. Любым отношениям нужны новые эмоциональные вливания. Ничто так не укрепляет брак, как редкий охренительный левак! Узнаешь новые фишечки, всем в плюс.

– Ху*шечки.

Фишечки в постели – это, бесспорно, хорошо. Но вот что,

если Юля узнает, что не в интернете их вычитал? Эта мысль оказывается раскаленным до тысячи градусов куском металла, я мгновенно отказываюсь от нее и роняю в никуда.

– Она мне голову отвертит, – отмахиваюсь. – Я, пожалуй, еще поживу.

– Это ты педиатр? – Рядом оказывается темноволосая девица с губами-бантиками. – Вау. Любишь детей? Ты, наверное, очень терпеливый.

– Обожает, – заверяет Захар. – А еще он обожает красоток. Матвей, это Инга. Она фитнес-тренер. Помимо педиатрии, Матвей увлекается логопедией. Учит всех желающих выговаривать свою фамилию: Адомайтис.

– Как?! – удивляется она. – Повтори-ка! Адом... что?!

Глава 5

Захар многозначительно кивает и отходит к другим гостям.

– Привет, – говорю я. – Можно просто Дом. Можно не напрягать язык.

– Я обожаю напрягать язык. Не переживай по этому поводу.

Мы смотрим друг на друга. Вот так легко?

– Как, говоришь, тебя зовут?

Двумя часами позднее мы сидим на лоджии толпой. Я, Захар и еще три девчонки. Музыка здесь тише. В венах плещется коктейль из смеси скуки, похоти, обиды и раздражения. Два часа жизни уплыли в никуда. При моем-то графике.

Верчу в руках телефон, вполуха слушая разговоры. Всеми фибрами души я бы предпочел лежать с Юлей в койке. Время, проведенное между ее ног, никогда не воспринимается как потраченное впустую. Достойных альтернатив для него нет и не было. В некоторые дни кажется, это единственное, чем бы я действительно хотел в жизни заниматься. Хобби.

Открываю социальную сеть.

– А кто-нибудь знает, зачем человеку нужны волосы? – вдруг спрашивает Инга.

Я перевожу на нее изумленный взгляд.

– Я задумалась об этом в прошлый раз, когда сидела в са-

лоне. Мы рассуждали с парикмахером. Столько денег и времени уходит на уход. – Инга пропускает свои длинные блестящие волосы сквозь пальцы. – Но ведь в древности не было возможности за ними ухаживать. Откуда природе было знать, что в двадцать первом веке изобретут бальзамы?

– Мой папа бреет голову наголо, – встревает ее подружка. – Можно жить и без волос сколько угодно.

Захар ржет над ними до слез. Он пьяный в хлам.

– Представь древние времена. Бежишь по лесу, убегаешь от волка... – начинает эмоционально Инга. Ее зрачки чуть расширены.

– Саблезубого тигра или динозавра, – включается Захар с энтузиазмом. Одна из девиц сидит у него на коленях и ставит засос на шее. – Трицератопса, например.

– Да! Захар, точно! От трицератопса! Динозавры, они огромные же были! Бедные наши предки. Так вот, бежишь, волосы путаются, за ветки цепляются! Если бы естественный отбор и правда существовал, выжили бы только лысые. Как папа Люси. Поэтому лично мое мнение: хрень это все.

– Логично, – лицемерно заверяет Захар. – Я смотрю, ты шаришь в эволюции.

– Много читаю.

Это невыносимо. Захожу в сторис и застываю с телефоном в руке. Юля не дома, оказывается. На набережной гуляет. Фотки постит. Видимо, для меня. Потому что, если бы хотела – таскалась бы по ночи тайно. Но нет, надо чтобы я

узнал непременно.

В ушах шуметь начинает от возмущения. До скрипа сжимаю челюсти. Отправляю реакцию: огонь.

Огонь. Огонь. Огонь!

Спалить к херам всё!

Юля их лайкает, реакции мои. Моментально. Говорю же, ждала. Выдра.

«Я свободен, всё?» – пишу ей.

Рядом стоит стакан с виски. Пиво закончилось. Отхлебываю. Морщусь.

«А что?» – отвечает.

Вдох-выдох.

– Инга, иди сюда, – зову я. – Давай сфотаемся.

– Зачем? – хихикает она.

– Ты красивая. На память. Расскажу, зачем нам столько волос на башке.

– Заманчиво, – пожимает она плечами. – Ты тоже читал про эволюцию? У нас много общего.

Плюхается в объятия, закидывает на меня ногу. Реакция не заставляет себя долго ждать и отзывается напряжением. Непривычно обнимать другую девушку. Запах чужой. Всё не так.

Я думаю об отце Юли – это самое лучшее средство, чтобы сбить возбуждение. Любой силы и в любой ситуации.

Вдох-выдох.

Улыбаюсь. Делаю селфи.

Пишу подпись к фотографии:

«Я могу делать, что захочу?»

Заношу палец над кнопкой «отправить».

Мешкаю. Инга тянется и целует в щеку, в шею. Касается губами, языком. Дрожь по телу. Я на мгновение замираю, больно сладко, а потом понимаю, что она собирается углубить поцелуй, оставив след! Ужас пронизывает насквозь, аж в пот швыряет. Резко отшатываюсь. Такое я не объясню.

И... случайно нажимаю «отправить». Твою мать!

Тут же жалею. Хочу удалить и спяну тычу не туда, выбрав «Удалить только у себя».

Ка-пец!

Вспышка злорадства успокаивает: так Юле и надо.

– Ты чего? – слышу я голос слева.

Инга обнимает за шею. На телефон падает сообщение:

«Если ты меня не любишь и никогда не любил, то делай что хочешь».

Перечитываю три раза подряд.

Настроение обрушивается вниз. Никогда не любил? Не люблю?

Я действительно могу делать, что хочу. И скорее всего, об этом никто не узнает, кроме меня самого.

Прочищаю горло.

– Инга, в древности твои волосы не развевались бы как флаг по ветру. Они бы с детства свалились в крепкий колтун, который бы шапкой защищал голову от переохлаждения и

ударов. Природой волосы нам даны не для красоты.

– Ну что за душнила! – вздыхает Захар.

Встаю:

– Мне пора.

– Что-то не так? – пугается Инга.

Под возмущенные крики и протесты я иду к выходу. Трогаю шею, вытираю чужую слюну.

Захар догоняет уже у двери.

– Давай провожу. Вы че, поругались со своей? Или Инга не понравилась? Она нормальная абсолютно, веселая девчонка. Проблем не будет.

– Понравилась. Симпатичная. Просто не хочу. В смысле хочу, конечно. Но не буду.

Юля говорила, что у нас всё по-особенному. Что больше ни у одной пары нет такой близости. Даже если я трахну другую и никто об этом не узнает, особенность исчезнет.

Возможно, я последний дебил, раз верю в это. Сам не знаю, во что верить. Если бы Рай дождалась меня у детского центра, мы бы провели эту субботу вместе. Я бы лежал между ее ног и облизывал ее язык своим. Жар внизу живота опалает, аж яйца поджимаются. Все было бы нормально. Я бы ни о чем таком не задумывался.

– Как знаешь, – говорит Захар. – Помощь нужна? Может, разобраться с кем-то?

Разобраться. Пояснить фиксику по ситуации. Мы, педиатры, добрые только к детям. А ему точно есть восемнадцать.

Выходим на лестничную площадку.

– Посмотрим. Хочу пройтись. Спасибо, брат, за поддержку. Снова.

– Брось. Батя говорит, хреново быть в отношениях. На сто процентов зависишь от настроения другого человека. Если она не хочет веселиться и трахаться – у тебя тоже нет ни праздника, ни секса. Это неправильно и ненормально, когда ты моложе тридцати пяти. Он женился в сорок на мамке, и я планирую пойти по его стопам.

– Однозначно, – киваю.

Мы пожимаем руки, после чего я сбегаю вниз. До дома идти минут тридцать, и я решаю прогуляться, проветриться, остыть. Погода позволяет. Последние теплые денечки мы спускаем в унитаз.

Сотовый вибрирует, достаю телефон и смотрю на экран: «Люба Юлина». Юлина – это не фамилия, а ассоциация. Лучшая подружка, да. Я моментально напрягаюсь. Провожу пальцем по экрану и выпаливаю в трубку:

– Что случилось?

Глава 6

Юля

Я не собиралась втягивать ни Любу, ни кого-то другого в наши с Матвеем проблемы, но так уж вышло, что удержать слезы не получилось. Наверное, я испытала шок.

Мы с подругами гуляли по набережной вдоль Енисея, затем сели за столик уличного кафе, которое еще не успело закрыться. Было зябко, уши и пальцы замерзли. Я заказала горячий чай, но его никак не несли. От скуки выложила несколько фотографий в сеть, совсем не ожидая, что Матвей ответит селфи, где он с другой девушкой.

Согрелась моментально на костре его мести. Из огнемета поджарилась. Слезы брызнули самопроизвольно. Я положила телефон на столик экраном вниз и оглянулась в сторону бара. Хотелось отменить чай и заказать водки. Никогда раньше ее не пробовала, но вдруг подумалось, что стоит. Напиться бы, а потом сплясать голой на столе. Сделать что-то поистине аморальное.

Наверное, у каждой молоденькой девушки есть необходимый минимум аморальности в неделю, который она непременно должна выполнить, чтобы не сойти с ума в обществе, где ее считают воплощением чистоты и добродетели. На этой неделе я не дотягивала даже до середины базовой программы. Без Матвея в разврате я как без вдохновения.

Проморгала жгучие слезы. Он бы, конечно, не стал спать с кем-то. Исключено. Но и на холостые эти патроны тоже не тянут, согласитесь?

Матвей всегда был моим, с тех пор как я вообще начала интересоваться мальчиками. До него у меня был всего один слюнявый поцелуй, который я вспоминаю редко и с содроганием. Дело было в танцевальном летнем лагере, тот парень считался лучшим в отряде. Он подкатил на танцполе, я обрадовалась. Помню, от него несло потом и арбузной жвачкой. Язык был мокрый и двигался так быстро, что меня едва не укачало. Все ждала, когда начнется неземной кайф, но вместо этого язык коснулся нёба, и я подумала что-то вроде: «О Господи, хватит».

Как-то раз Матвей напоил меня шампанским и выведал подробности этого самого первого поцелуя. Я заявила, что было норм. Он потом неделю дулся. Ревнивый дуралей. Наш с ним первый поцелуй я не забуду никогда.

Кстати, о поцелуях.

Матвей бы не стал спать с другой сейчас. Если бы я допустила об этом мысль, то, наверное, не выдержала бы масштаб ее ужаса. А сосаться стал бы? Волоски на коже дыбом поднялись. Захотелось схватить телефон и швырнуть его в стену.

Вместо этого я стиснула зубы и внимательно изучила фото. Где Дом вообще находится? Увеличила изображение. Белая кирпичная стена позади, кожаный коричневый диван... Так-так-так. У Захара на лоджии, значит. Кто на этом диване

только не трахался! Даже я почти один раз. В квартире было шумно и пахло блевотой, мы с Матвеем заняли лоджию, выключили свет и смотрели в обнимку на круглый блин луны. Мот целовал меня в шею и гладил между ног, пока я не улетела в космос.

Посмотрела в его наглые бухие глаза строго. Нахмурилась. Потом представила, что у него встал на другую, и... заплакала от отчаяния. Просто не смогла сдержаться! Если бы я его застучала, то, наверное, прибила бы. Но он был далеко, и я утонула в обиде и беспомощности!

Теперь уже мою боль заметили все.

Минутой позже внимание девушек было приковано ко мне. Скрывать и дальше не хотелось. Ради чего я сбежала из дома? Так и так. Обнимается с какой-то девицей. Ни стыда ни совести!

– Я в шоке... – тянет Люба, впиваясь в экран глазами. – Ты знаешь эту давалку? А что, не так? Видно по глазам, что легкого поведения.

– Нет, слава богу, не знаю. Думаю, он тоже не знает. Решил меня позлить.

Эту фотографию я ему нескоро забуду.

– Я бы никогда не простила, – фыркает одна из девушек.

Чувствую протест. Зря поделилась. Если бы я хотела послушать, насколько ужасен Дом, провела бы вечер с родителями. Это их любимая тема. Недостойный по всем фронтам

пальца моей левой ноги. Я не склонна вести подобные разговоры, которые не несут смысла и пользы. Иногда кажется, что Матвей единственный, с кем мне в принципе нравится разговаривать. Но так нельзя. Я слишком сильно в нем растворяюсь и рискую наскучить. По этой причине я не стала оставаться на второй год и пересдавать экзамены, а пошла совсем другим путем, выбрав технический вуз.

– Не простила бы фото? – уточняю сухо. – Это всего лишь снимок! Не больше и не меньше.

– Он тебе изменяет! В открытую! Добрая ты душа, Юлия.

– Если бы он хотел изменить, сделал бы это так, чтобы я не узнала. Матвей хочет вызвать ревность, видно же. Разрешения спрашивает. Детский сад какой-то!

– Да уж, – вздыхает Люба.

Она эмоциональная и всегда очень переживает за меня.

– У него получается вызвать ревность? – не отстают девочки.

Я стреляю глазами в Любу, поджимаю губы и говорю коротко:

– Да.

Беру салфетку и рву ее на тысячу маленьких кусочков. Хочется занять пальцы, сделать хоть что-нибудь!

Наконец приносят дымящийся чай, и я делаю глоток. Чай безвкусный и непроцеженный, на языке остаются горькие чаинки. Всё не так. Всё неправильно.

В следующие десять минут случается сразу несколько ве-

щей. Люба отлучается с телефоном, к нам присоединяется старший брат одной из девчонок, а я смотрю в приложении время ожидания такси.

Это самая дурацкая суббота за много месяцев.

Люба возвращается обратно и плюхается на стул рядом.

– Кто звонил? – спрашиваю я.

Кажется, она выглядит взволнованной. У Любы взрослый поклонник, который мне не нравится. По этому поводу я мужественно молчу, прекрасно зная, как это больно, когда твой любимый человек не устраивает близких людей. Но... он ее старше на пятнадцать лет! Почти в два раза!

– Матвей.

Округляю глаза.

– Мой Матвей? Зачем?

– О тебе спрашивал, зачем ему еще мне звонить? Что ты, где, с кем. Я заверила... – Она бросает быстрый взгляд на брата Саши и заговорщически понижает голос: – что здесь только девушки. Не волнуйся.

– Что-нибудь еще сказал?

– Нет. Злой был, судя по голосу. И пьяный в хлам. Я посоветовала завтра тебя набрать, когда протрезвеет. А сегодня спать ехать. Вроде бы послушался.

– Злой и пьяный? Ладно.

А мне не позвонил. Еще раз смотрю на его реакции: как пальчик, бедняга, не надорвал на кнопки жать? Столько огня! Точно не замерзнуть.

Мы сидим еще некоторое время, болтаем обо всем на свете. О погоде, осени, универе. Лев учится на нашем факультете на три курса старше. Делится лайфхаками, как подмазаться к какому преподавателю.

В кафе приходит Олег, мужчина Любы. Я всегда чувствую себя неуверенно в его присутствии. К счастью, к нам он не присоединяется: занимает соседний столик и утыкается в телефон.

Приносят пиво, и я делаю несколько глотков, чтобы утолить жажду, потому что чай этот пить невозможно. Гадость форменная. Голова непривычно кружится, все же алкоголь натошак – плохая идея. Я в принципе в этом деле не супер-спец. Как шутит Матвей: хватает двух чайных ложек вина, и Юлю можно выносить.

Он преувеличивает.

Эсэмэска оповещает о деньгах от Евы. Как всегда день в день, вот только радости пунктуальность начальницы не приносит. Я ждала другое сообщение от другого человека.

Размышляю, переслать Косте долю сейчас или лучше завтра утром, на трезвую голову? Делаю еще глоток. Лучше повременить.

– Юля, а вы с Матвеем же вместе еще со школы? – громко спрашивает Саша. – Я ничего не путаю?

Все смотрят на меня, а я, кажется, умудрилась упустить нить разговора, не слушала последние пять минут.

– С девятого класса, да. Мы познакомились в феврале, а

весной уже начали встречаться.

Те, кто был не в курсе, пораженно качают головами. Многие удивляются, как у нас так выходит, – я к этому уже привыкла.

– Вот! Видишь, уже столько лет! Значит, все возможно, – доказывает брату свою точку зрения Саша. – Лёв, главное – желание. Тогда любым соблазнам можно противостоять. Остальное отговорки. Да же, Юля?

– Да, конечно.

Замечаю, что Любин Олег тоже смотрит на меня. Наши глаза на миг встречаются, в его – загорается любопытный огонек.

– И за все это время вы ни разу не расставались? Не ругались в пух и прах? Не изменяли друг другу? – закидывает вопросами Лев.

– Ссорились, конечно. Но не расставались. И разумеется, не изменяли.

– Вообще ни разу? – Лев приподнимает брови. – Не верю. И тебе никогда-никогда не хотелось провести время с другим?

– Можешь думать, что хочешь, но нет, – улыбаюсь я. – Зачем мне другие? Я своего люблю.

– А ему? Вот ты сейчас здесь, с подругами пьешь пиво. И совершенно не знаешь, где он и чем занят. И знать этого не можешь.

– Для этого существует доверие, – говорю чуть резче, чем

хотела бы. – Советую попробовать.

Люба опускает глаза, девочки многозначительно переглядываются.

– Ну да, мы разругались вдрызг, и он щас с какой-то телкой! – сдаюсь я, всплеснув руками. – Но уверена, там ничего такого. Матвей просто бесится и провоцирует.

Лёва понимающе кивает, и это злит. Теперь я знаю, куда, вернее, в кого хочу запустить телефон или что-нибудь другое. Вместо этого пью пиво, отказываюсь от сигареты и тянусь к следующей салфетке.

– Ты думаешь, у ваших вот таких отношений есть будущее? – Лёва откидывается на спинку стула и достает сигарету. Зажимает между губ. – Вы вообще думали о будущем? Что будет через год, два, три?

– Зачем? Мне восемнадцать, ему девятнадцать. Мы просто... наслаждаемся жизнью, – пожимаю я плечами.

– Почему бы не наслаждаться жизнью на полную катушку? Зачем себя ограничивать, Юль? – включается в разговор Олег. Он передвинул стул ближе. – К тридцати у большинства из вас будут семьи, ипотеки, дети. Сейчас самое время для отрыва. Приключений.

– Верность – это не про ограничения. А про чувства, безопасность и душевную близость.

– Ты не простишь измену? – спрашивает вдруг Лев. – В парах, которые сложились со школы, они не редкость.

Пульс неприятно ускоряется, и противные щупальца ужа-

са поглаживают вдоль позвоночника. Мне снова становится холодно.

Холод – это про страх. Дикий страх потерять любимого человека.

Измена. Я не думала никогда в этом ключе. Теперь думаю. И ответ приходит сам собой:

– Не прощу. Никогда. И он это знает.

– Точно знает? Раньше ведь ты иначе думала, – тихо спрашивает Люба.

– Так-так, – оживляется Лев. – Поподробнее с этого момента.

Глава 7

Разговор становится невыносимым. Все накинулись на меня и пытаются убедить в том, в чем я убеждаться не собираюсь. Нажимаю на кнопку вызова такси.

– Да хватит уже про мои отношения! – комично возмущаюсь, всплеснув руками. – Будто тем других нет. Ну поругались, потом помиримся. Или не помиримся. Жизнь покажет. Никакого конца света.

– Юля, как не помиритесь? Что ты такое говоришь? – пугается Люба. – Ты это брось, вы идеальная пара.

Пожимаю плечами. На самом деле я злюсь на Матвея сильнее, чем демонстрирую. Стоит признать, в словах Лёвы есть зерно истины. Я раньше просто... не задумывалась ни о чем таком. Жизнь шла своим чередом. Столько всего ежедневно происходило, что было не до анализа и уже тем более не до какого-то там планирования будущего. Последним вообще занимаются пенсионеры и зануды, лично я предпочитаю жить в настоящем.

– Так что там про измены? Рассказывайте. Раз уж пошла такая пьянка, – подначивает Лев. – Мне нужно победить в споре Сашку. Юля, помогай.

Он мне подмигивает.

– Расскажи, что такого, – просит Саша.

Я делаю еще глоток.

– Это давно было. Сейчас уже не важно. Глупости. Вы смеяться будете.

– Тем более. Хочется посмеяться.

Щеки слегка горят. Но я слишком пьяна, чтобы остановиться.

– Короче. Ладно. Мы же начали встречаться, я мелкая была совсем. Меня бабушка и мама настроили. Ну и я заявила Матвею, что до свадьбы спать с ним не буду. И вообще ни с кем. И если он хочет, может гулять. Якобы мне до его шлюх дела нет, я выше всей этой пошлости.

– А Матвей?

– Не воспринял эти слова всерьез. У него много со мной терпения было. Я такую чушь иногда несла, – качаю головой. Девчонки смеются.

– Щедро! Идеальная женщина, – подкалывает Лёва обидной уважительностью.

– Это не щедро, это тупо! Мне было пятнадцать, я много читала дурацких книжек. Хорошо, что у Матвея хватило ума не обращать на мои ультиматумы внимания.

– Думаешь, у него с той блондинкой ничего не было? – спрашивает Люба. – Ну помнишь, с которой мы его видели? Краска ударяет в лицо.

– Уверена, что нет.

– Ну вот, а говорила, что не можешь простить измену. Сама же на нее добро дала, – продолжает задирать Лёва. – Можно сказать, подтолкнула!

– Со мной было сложно, но в конце концов награда того стоила, – говорю я четко и резко отворачиваюсь.

Натыкаюсь на Олега, наши с ним глаза снова встречаются. В его по-прежнему горит интерес, который заставляет смутиться и перевести взгляд на что-то более безопасное. Я корю себя за жалкие эмоции, нужно было просто улыбнуться.

Делаю еще глоток пива. Мои метания – из-за Матвея и его ревности, которую я постоянно боюсь ненароком спровоцировать. Дошло до того, что некомфортно смотреть людям в глаза! Дом в угол меня загнал! При этом сам не стесняется ни капли!

– Я бы хотел познакомиться с Матвеем, интересно на него посмотреть, – вдруг доносится задумчивый голос Олега. Он обращается не то ко мне, не то к Любе.

Та пожимает плечами, давая понять, что не против. Я хмурюсь.

– Как-нибудь может быть, – отвечаю уклончиво, прекрасно зная, что Дом в жизни не потащится на двойное свидание, особенно с Любой и ее Олегом. – О, мое такси прибыло. Пора бежать, была рада видеть.

– Уже? Я только что пиццу заказал и закуски. Оставайся, Юль, еще посидим, – не желает отпускать Олег.

Видимо, его зацепил нас со Львом спор о ревности и верности. Но у меня нет ни малейшего желания никому ничего доказывать.

– Я на диете. Сегодня употребляю в пищу только мозги

своего парня. – Дьявольски улыбаюсь и щелкаю зубами. Добавляю: – Десертной ложечкой.

Встаю из-за стола, обнимаю девчонок и спешу к подъехавшей машине. Забираюсь на заднее сиденье, пристегиваюсь, а потом снова достаю телефон.

Вот нет бы удалить это дурацкое фото, зайти в соцсеть и отвлечься! Я плююсь и плююсь. Подмечая новые детали, вбивая гвоздь за гвоздем в свое колотящееся сердце.

Смотрю на эту девицу, которую Дом захотел, а она, зараза, расплывается. Слезы дорожки на щеках чертят, я руками их размазываю. А ведь обещала себе больше не плакать!

Прижимаю кулак к губам и качаю головой. Не хочу позорно всхлипывать перед чужим человеком. Не хочу рыдать в такси! Но перед подругами совсем стыдно, а перед родителями опасно.

Твою мать, Матвей, между тобой и этой девицей пара сантиметров воздуха! Это у меня были боевые сегодня?! Да ты вооруженный до зубов терминатор!

Больно. При мысли, что он ее трахает сейчас, такая боль, будто ножом сердце пробили. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я чуть опускаю стекло и жадно глотаю холодный воздух. Просто не знаю, как пережить это. Не представляю себе.

Зажмуриваюсь и вспоминаю тот наш разговор. Когда я выдала, что не такая и чтобы даже не надеялся на секс. Что совсем не интересуюсь его телом. И что мне плевать, кого он там трахает. Матвей тогда обиделся, а я не поняла на что.

Он ответил: «Ладно».

На самом деле меня интересует его тело. Каждый его потрясающий сантиметр, и еще как.

«Я могу делать, что захочу?»

Качаю головой. Можешь, Матвей. Можешь делать, что только захочешь. Жизнь одна, тебе девятнадцать – самое время отрываться на полную, как сказал Лев. До ипотеки каких-то десять лет осталось.

Домой я приезжаю убитой и морально выпотрошенной. Еле иду, будто четыре часа отпахала на репетиции. Приняв душ, падаю в постель.

Не подталкивала я Матвея на измену. Просто не понимала, как устроен мир. Не осознавала, что такое любовь и ревность. С блондинкой он действительно пару раз был замечен, но она его соседка, поэтому не думаю, что там что-то было.

Не думала до этого момента. День открытий какой-то.

Ворочаюсь долго в постели, после чего вновь беру телефон. Звук выключен, но я словно сердцем почувствовала. А там сообщение.

«Спишь?»

От Матвея!!

Резко сажусь и включаю ночник. Впиваюсь глазами в экран. Написал!

Ему стыдно? Плохо? Хочет извиниться? Или продолжать ругаться? Столько всего хочется сказать! Печатаю:

«Да».

«Я тоже собираюсь. Всё хорошо?»

«Да».

«Будем мириться? Я бы хотел».

Фыркаю. Испортил всю субботу! Хотел бы он!

Сама улыбаюсь до ушей. Мается, значит. Оставляю сообщение непрочитанным. Кладу телефон на тумбочку и засыпаю со спокойной душой. Я бы тоже хотела. Очень. К нему сейчас в объятия. И чтобы он вел себя нормально, а не как идиот.

Даже уж и не знаю, чего сильнее.

* * *

Следующий день проходит в домашних хлопотах. Я занимаюсь английским и готовлюсь к учебе. Убираюсь дома. Примерно в одиннадцать Матвей пишет:

«Увидимся?»

Отправляю ему его общее фото с брюнеткой и добавляю: «Напиши ей».

Вечером я выплескиваю энергию на тренировке по танцам, а когда после моюсь в душе дома, слышу хлопок входной двери. Застываю под струями горячей воды.

Это Матвей.

Откуда-то я совершенно уверена, что именно он пришел, и причин на это несколько. Во-первых, родители не предупредили, что ждут гостей. Без приглашения к нам редко

приходят: папа не любит шумные компании, а мама обожает, чтобы все было идеально, поэтому перед каждым праздником сутки трет квартиру и нервничает. Внезапные визиты Матвея первые пару лет выводили ее из себя, потом только привыкла.

Подруг я не приглашала.

Значит, Дом.

Пришел.

Господи.

Вдох-выдох.

Мысли как тараканы разбегаются. Что я ему скажу?

Что скажет он?!

Глава 8

Бах-бах-бах. Пульс ускоряется, в глазах на миг темнеет.

Вся жизнь пролетает перед глазами. Прошлое и будущее. Он сейчас скажет, что был с другой и что нас больше ничего не связывает. Я на месте умру, и больше меня никогда не будет.

Не хочу выходить в коридор. Не желаю ничего знать!

Страшно.

Так сильно страшно, что голова кружится. Закрываю глаза и шепчу: «Я люблю его, я не представляю, как жить без него. Пожалуйста, Боже, пожалуйста. Я не хочу без него жить».

Тут же обрываю себя, разозлившись на то, как жалко выгляжу. Угораздило же втрескаться! В восемнадцать лет, когда вся жизнь впереди, когда столько всего еще будет! Уже засыпаю и просыпаюсь с мыслями, где Дом и с кем.

Мы вместе с девятого класса. Процент того, что поженимся и проживем длинную жизнь душа в душу, стремится к нулю. Я все это понимаю. У нас не может быть будущего, да мы о нем никогда и не задумывались всерьез. Замуж Матвей меня не звал. Да я бы и не пошла в ближайшие годы.

У нас обоих есть цели, и семья стоит далеко не на первом месте. Просто так вышло, что мы с Матвеем рано встретились.

Выбираюсь из ванны и наскоро промокаю тело полотен-

цем. Бросаю взгляд в зеркало и отворачиваюсь: не нравлюсь я себе. Пресловутый предменструальный синдром стократно усугубляет ситуацию. Всё не так, всё плохо.

Надеваю шорты, майку и, настроившись, выхожу в коридор. Но там только папа.

Пару секунд я тупо пялюсь на входную дверь, борясь с разочарованием. Потом плетусь в свою комнату, высмеивая собственную противоречивость.

– Пап, никто не приходил? – спрашиваю, оглянувшись. – Я слышала хлопок двери.

– Приходил, Юль, да, – отвечает тот из кухни.

Я округляю глаза и меняю маршрут.

– Кто?

– Матвей. Я его развернул аккуратно. Сказал, что тебя нет, как ты и просила. – Потом заговорщически успокаивает: – Он все понял. Попытался хамить, как обычно. Но со мной такое не проходит. Что-то не так?

– А. Я просила разве?

– Рано утром, за завтраком.

Точно. Это было на эмоциях. Мама начала спрашивать, как я вечер провела, с кем виделась. Что там Матвей? Любопытство родителей понятно: они переживают. Я крайне редко куда-то хожу одна. А тут еще и вернулась в полночь! Ответила, что мы с Матвеем поссорились и что видеть его не хочу. Потом, правда, заверила, что мы не расстались и что он не наркоман. А то мало ли.

– Юля, Юль... – Отец смотрит на меня внимательно, – ты у меня девочка взрослая и мудрая, но послушай мой совет. Есть вещи, которые прощать нельзя...

– Зная, знаю, – перебиваю я.

Папа сдаваться не собирается и продолжает говорить, проигнорировав мой выпад:

– Для всех остальных ситуаций существует правило: не сдавайся быстро. Пусть пару раз побеседует с закрытой дверью, с его гонором и характером полезно. Ничего с твоим литовцем не случится.

– Думаешь?

– Уверен. Ты ничего толком не рассказываешь, но я же вижу, что он опять что-то натворил. Да, он мне не нравится. Я вообще ничему не удивлюсь в его случае.

– Пап...

– Не будем ссориться. Тебе он нравится, допустим. Хорошо, встречайтесь, гуляйте, лишь бы на моих глазах. Буду рад ошибиться в его случае. Но пока Матвей Адо-что-то-там на испытательном сроке.

Я смеюсь нервно.

– Адомайтис. Па-ап, признайся, даже спустя тридцать лет брака и пятерых детей ты будешь ждать от него подвоха.

– Буду! И что? Ты мой единственный ребенок. Моя малышка. Конечно, я от всех жду подвоха!

– Папа. – Не удерживаюсь и улыбаюсь. – Я не глупая. Сама всё вижу.

– Всё, да не всё. Не прощай его быстро. Мужчины не ценят доступность. Я не в курсе, что он выкинул, но одно тебе скажу точно: если тебе было обидно и ты его легко простишь – он сделает это снова.

Я застываю. Фотография с брюнеткой моментально всплывает в памяти.

– Думаешь, повторит, пап?

– Сто процентов. Вы сейчас прощупываете границы дозволенного, пределы допустимого.

– Я хочу, чтобы Матвей понял: так делать нельзя! Но при этом волнуюсь. Вдруг переборщу и потеряю его?

– И слава богу!

Я поджимаю губы. Молчу. Отец продолжает спокойнее:

– Юля, ты не должна демонстрировать, что боишься его потерять. Это относится не только к Матвею, а к абсолютно любому молодому человеку. Ты должна быть гордой. Тогда парни рядом будут держать себя в постоянном тоне. Никаких компромиссов.

– А вдруг он тогда уйдет? К другой, которая будет... ну не знаю, трястись вокруг него.

– Не уйдет, – усмехается отец. – Если ты его зацепила, никуда твой Матвей не денется. И чем будешь равнодушнее, тем активнее он завилает хвостом. Простая мужская психология.

Вдох-выдох.

– Значит, динамит его сегодня?

– Максимально долго и дерзко. Он должен вытесать себе на подкорке: повторит свой поступок, будет так же и хуже. Мужики в своем большинстве (я, конечно, исключение) понимают лишь грубую силу. Почему в казармах на всех орут? Если прапор скажет: «Пожалуйста, ребятушки, – папа пародирует кота Леопольда, – встаньте завтра в шесть утра...», его пошлют далеко и надолго. А если тех, кто не поднялся, отправят пять километров в противогазе бежать, а заодно и весь отряд, – в следующий раз как миленькие соскочат. Армия таких борзых, как твой Матвей, ломает на раз. Но он ведь туда не собирается.

Я сглатываю. Папа в армии не был, но спорить нет желания.

– Ладно. Выкину телефон в окно, дабы избавить себя от соблазна.

– Просто отдай его мне на хранение. Пока я покупаю тебе технику, ломать ее разрешается лишь с разрешения.

– Ты его забанишь, – смеюсь я наконец-то. Смягчаюсь. – Не буду ломать, обещаю.

Мы с папой пьем чай, болтаем еще некоторое время. От Матвея падает на сотовый:

«Я приходил. Вдруг тебе не сказали».

Включаю всю свою силу воли и игнорирую.

Следующим утром я просыпаюсь в дурном настроении. «Выдра, доброе утро», – уже на телефоне от Матвея. Глаза закатываю.

Я должна очертить границы. Как там в отцовской психологии? Жизнь – казарма. И мужики вокруг нее должны бежать кросс.

Иначе при каждой ссоре Дом будет превращаться в вооруженного до зубов терминатора. А я – в жертву.

Собираюсь на учебу дольше привычного. Голова побаливает, живот тянет, я словно размазня! Выпиваю пару таблеток обезболивающего заранее, иначе быть беде: первый день цикла зачастую оборачивается адом. Раз на раз не приходится, но иногда бывает, что сознание теряю.

Не исключено, что у меня какие-то врожденные проблемы по-женски. Как-то мы с мамой даже ходили на прием к Любиной тете, которая работает гинекологом в частной клинике. Та сказала, что месячные – процесс естественный и такие сильные боли ненормальны. Выписала направления на анализы. Правда, я так и не собралась их сдать, а прошло уже больше года.

В то время я была девственницей, а потом в течение месяца перестала ею быть. Упс.

Идти с мамой резко стало неловко. Я ощущала вину и

стыд, ведь мы так часто обсуждали, что я не стану торопиться и прыгать по койкам.

Денег на прием не хватало. У Матвея просить постеснялась. Да и надобность будто пропала. Не знаю, совпадение или нет, но после начала регулярной половой жизни боли практически исчезли. А может, дело в том, что я повзрослела и репродуктивная система заработала как надо? В любом случае эта тема стала у нас с Домом поводом для пошлых шуток.

Домик... Эх. О чем бы я ни подумала, каждый раз цепочка приводит к нему.

Итак, универ. Добираюсь на автобусе, не опаздываю. Первая лента проходит более-менее. Мы с Любой сидим вместе, пишем лекцию. Я даже успеваю несколько раз найти у преподавателя ошибку в формуле, за что получаю уважительные кивки.

Ко второй начинаю чувствовать себя значительно хуже. Голова кружится. Боль внизу живота нарастает. Она зарождается ниже пупка, а потом стреляет в поясницу с каждой минутой все сильнее, пока спину не начинает натуральным образом ломить. Да так, что чернота волнами перед глазами.

Было так же. На школьном экзамене по химии. Я выпила таблетки, но все равно стало плохо. Писала на пределе возможностей. Мне вызвали скорую и сделали укол. Я вернулась в кабинет и решала, сколько могла. И сколько оставалось времени. Увы, четверка не позволила поступить туда,

куда мечтала.

Поднимаю руку и прошусь выйти.

Пошатывается. Оказавшись в коридоре, я прижимаюсь спиной к стене и закрываю глаза. Кажется, забыла тетрадки в аудитории... Надо написать Любе, чтобы собрала их.

Надо.

Дальше как в тумане: медицинский кабинет, скорая, папа.

Мы едем домой, я лежу, свернувшись калачиком на заднем сиденье. В таком положении боль хоть чуть-чуть меньше.

Подъезд, лифт. Папа поддерживает и помогает разуться. Наконец, моя комната.

Пью воду и забираюсь в постель. Закрываю глаза. Отец оставляет меня одну, попросив попытаться поспать. Обезболивающее должно подействовать. Вот-вот, надеюсь.

Но уснуть не удастся. Я крепко зажмуриваюсь и считаю удары сердца. Мне холодно и одиноко. Очень одиноко. Я вспоминаю, как в тот день быстро прилетел Матвей. ЕГЭ сдается в чужих школах, как повезет. И мы с ним писали на противоположных концах города. Он сдал свой экзамен и пулей ко мне! Хотя его одноклассники собирались вместе и отмечали. Матвей встретил меня у выхода и отвез домой. А потом был рядом до ночи, пока не вернулся отец и не выгнал его.

Открываю глаза резко, услышав знакомый голос:

– Я просто хочу ее увидеть. Пожалуйста.

Волна жара прокатывается по коже. Аж волоски дыбом! Матвей говорит громко, но по тону понятно: максимально терпеливо.

Старается.

Дух захватывает. Я знаю его расписание наизусть. Бросаю взгляд на часы – у Мота должны быть пары. Что он здесь делает?

– Юлия спит, и я не буду ее будить, – на тон ниже говорит отец. – Матвей, я скажу, что ты приходил, и передам эклеры. Спасибо за вещи. Все, езжай.

Я не спала. Боль такая сильная, что в забытьи уйти не вышло. Я вспоминала, как Дом меня жалел. Мне было одиноко.

– Я просто посмотрю на нее одним глазком, – просит Матвей.

– Нет.

– Пожалуйста. Я не видел ее с субботы. Я... очень вас прошу. Я на цыпочках.

Мурашки по коже от его голоса.

– С субботы? Это когда вы поругались и ты вылетел, как безумный?

– Да, и мне стыдно. Мы поругались, я был не прав. А сегодня Юле стало плохо и она даже не написала.

– А кто в этом виноват?

Папа, блин!

Я зову:

– Пусть зайдет! Пап!

Выходит тише, чем планировала. Пульс ускорятся. Вдруг понимаю, что мне нужно сейчас.

Он.

Мой Матвей рядом. Да, это определенно очень сильно облегчило бы ситуацию.

– Матвей! – кричу громче.

– Не знаю, – говорит Матвей. – Может, и я. Ну не могу я так, Виктор Арсеньевич. Мне надо ее увидеть. Я никуда не уйду. Выгоните – буду сидеть на ступеньках.

– У тебя по расписанию пары. Езжай на учебу. Вылетишь – кому ты нужен будешь?

– Пока Юлю не увижу, никуда не поеду.

– Вот что с тобой делать?

Я никак не могу найти телефон. Кое-как, Господи помоги, присаживаюсь. А потом встаю на ноги. Дальше по стеночке, по стеночке. Голова кружится, и тошнота подкатывает.

Мужчины! Самые мои важные и любимые. Ну что они так меня мучают?! Еще хуже ведь делают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.